

“Пёс войны” был быстрым охотником, невидимым убийцей на льду. “Амарок” двигался по лабиринту каньонов в казавшейся невозможной для такой огромной машины тишине. Тяжёлые шаги почти не издавали звуков, пока Гуннар Винтрас петлял по сверкающему лесу кристаллических шпилей, которые вырастали из льда и скал под невероятными углами и напоминали тонкие алмазные сталагмиты.

Оборотень откинулся на спину в контурном кресле “Пса войны”, чувствуя движения механизированных мускулов, кислотные ожоги от напряжения механизмов и нейтронные ветра, завывавшие вокруг бронированного корпуса. Серебристые волосы принцепса были выбриты в нижней части черепа, открывая татуировки в виде глаз волка вокруг мозговых разёмов в шее. Настоящие глаза оставались закрытыми, метаясь позади век, а заострённые зубы обнажились в диком оскале.

“Амарок” был прекрасной машиной, построенной мастерами прошлой эпохи, которые заботились о созданном ими оружии, в отличие от сегодняшних упрямых адептов, которые просто штамповали второсортные мануфактурные копии механического искусства.

Приятно вывести своего титана в настоящие охотничьи угодья. Тренировочные палубы магоса Дахана на “Сперанце” были огромными и просторными, но ничто не заменит передвижение по поверхности реального мира. Винтрас перевёл “Амарока” с осторожного шага на медленную рысь, постепенно направляя энергию от реактора в сердце “Пса войны” к обратно-сочленённым ногам из пластали и псевдомышц.

Он ощутил желание “Амарока” сломя голову помчаться охотиться по кристаллическому лесу из зеркальных шпилей, но подавил его.

– Ещё рано, дикое сердце, – сказал он, чувствуя, как нетерпеливое ядро духа манит его в потрескивающей связи манифольда. Дух титана беспокоился с тех пор как они вступили в то, что госпожа Тихон назвала тенью, которая по дуге растянулась на пути неторопливых сухопутных левиафанов. “Амароку” не нравился этот мир и Винтрас не мог винить его за это. Было что-то... неправильное в Катен Вениа, она словно пыталась затянуть с собой в неизбежную гибель и остальных.

Ауспик превратился в визжащую мешанину поступавших от кристаллических шпилей данных и потрескивающих помех, вызванных тенью. Оборотень полагался на внешние пикты “Амарока”, руководствуясь только прицельным ауспиком и оставаясь без другой сенсорной информации.

Принцепсов более крупных титанов напугала бы столь ограниченная сфера осведомлённости, но принцепсы “Псов войны” были из другого теста и Винтрас наслаждался возможностью интуитивно вести титан. Из-за стен каньона он не видел сухопутных левиафанов Механикус, “Луну Капиталину” или “Вилку”, но это его вполне устраивало.

С тех пор как Зимнее Солнце открыл огонь по “Канис Ульфрика” Винтрас не спешил идти в тени “Владыки войны”. Эти каньоны сильно напоминали тесные пещеры Беты Фортанис, и

Винтрас не желал даже думать, что произойдёт, если Зимнее Солнце вспомнит то кошмарное сражение. Магос “Капиталины” утверждала, что манифольд титана очистили от сохранившихся после боя мусорных данных, но кто на самом деле мог сказать, что за призрачное эхо осталось в глубокой памяти столь древней и сложной военной машины, как “Владыка войны”?

Нет, пока лучше держаться от “Луны Капиталины” подальше.

Неожиданно ауспик обнаружения вывел на топографический экран мигающие красные символы и пальцы принцепса непроизвольно сжались, а оружие в руках титана лязгнуло. Сработали автономные рефлексy, и Винтрас повернул титана, опустив корпус и направив вперёд оружие.

Системы боеприпасов загрузили разрывные снаряды в “Вулкан”, а мощные конденсаторы турболазеров перенаправили энергию от увеличившего мощь реактора. Винтрас почувствовал, как руки распухли от смертоносной силы и жар в центре живота распространился по телу.

Продолжая двигаться, он поворачивал оскалившуюся волчью морду титана из стороны в сторону, выискивая цели или что-либо, что могло спровоцировать приведение систем в боевую готовность. Пары азотного льда играли шутки с видимостью, но Винтрас не замечал ничего враждебного.

В нескольких сотнях метров треснули коренные породы, и группа кристаллических шпилей рухнула на землю. Осколки падали сверкающим минеральным дождём, отбрасывая бесчисленные отражения титана.

Винтрас облегчённо выдохнул. Здесь не было никого кроме него.

– Сейсмическая активность, – произнёс он. – Вот и всё, красавица. Падающие шпили и перемещающиеся скалы.

Глыбы льда посыпались с края каньона, и принцепс ловко отвёл машину в сторону, избегая самых больших. Пустотные щиты защитили бы его, но никогда не стоит злить духа титана лишними повреждениями. Там где упал лёд, земля потрескалась на десятки метров, и Винтрас отошёл подальше от ненадёжной поверхности.

Он убрал с экрана данные ауспика обнаружения и снова направился вперёд между кристаллическими шпилями, успокоенный, что там нет ничего опасного. Он почувствовал недовольство “Амарока” в гule двигателя и сопротивлении рук и ног.

– Полегче, – прошептал он. – Там ничего нет.

Но титан не соглашался, сохраняя оружие наготове и снова выводя ауспик обнаружения на

экран.

Винтрас отменил команду титана. – Хватит, – резко произнёс он. – Ты становишься таким же нервным, как Зимнее Солнце.

В ответ в манифольде раздалось рычание, и принцепс почувствовал гнев великой машины в скачке болезненной обратной связи через спинной имплантат. “Амарок” был не из тех титанов, что терпели покровительственный тон, его дух был одиноким хищником, убийцей, который скрывался во тьме и атаковал без предупреждения.

Он не станет шарахаться от теней и Оборотень глупец, если забыл это.

– Хочешь поохотиться? – спросил он. – Давай поохотимся. Ауспик на полную.

Поверхность Катен Вения выглядела болезненно яркой даже сквозь защитные фильтры шлема Робаута. Холодная иллюминация с ультрафиолетовым оттенком сливалась с мерцающими полосами полярного сияния, красный свет звезды менялся в видимом спектре в коктейле летучих газов, расцветавших во временной атмосфере, которая придавала им мерцающий подводный оттенок. Высокие горы замороженного азота проступали сквозь дрейфующие гряды пара, стекавшего с их зубчатых пиков, пока жар умирающей звезды испарял ледяную корку с поверхности планеты.

Ослепительные преломления пёстрого света сияли сквозь призмы ледяных гор, и Робаут в жизни не видел ничего столь же грандиозного и ужасного. Он чувствовал, что словно уменьшился до микроскопического размера и прокладывал курс между углублениями и горными хребтам хрустального графина. Когда он увидел, что лежало за посадочными полями Механикус его первое разочарование планетой растаяло также верно, как и ледяные азотные шапки.

Он наблюдал за гибелью планеты и, как и война, она была прекрасной, если смотришь издалека.

Было величие в этом глобальном процессе уничтожения и бесчеловечном масштабе разрушения, когда горные хребты стирались прямо на глазах, континенты срывались с расплавленных плит, а металлическое ядро планеты распадалось на составные элементы.

Вблизи это становилось ещё красивее и опаснее.

Водопады жидкого азота низвергались с острых краёв каньонов. Кипящие озёра расширялись с каждой волной растаявшего насыщенного химикатами льда и снова сжимались, испаряясь ядовитыми парами в космос. Из-за колоссального геологического смещения пластов планета подвергалась нагрузкам, которые не знала с момента рождения в мощной гравитационной хватке звезды. С орбиты кора планеты казалась покрытой сетчатым узором из хаотично разорванных тектонических плит. На поверхности это превращалось в ущелья в сотни

километров шириной и неизвестной глубины.

Планета находилась в состоянии повышенной активности, и только точные вычисления магоса Блейлока – помноженные на загруженные адептами Коллегиума Геологика данные – позволили фабрикатус локуму флота проложить маршрут к “Томиоке”. Петлявший зигзагообразный путь являлся идеальным способом добраться до цели для наземных войск, но Блейлок быстро указал, что он базировался только на статистической вероятности, а не фактических измерениях.

Встроенный в приборную панель планшет шипел статикой, но всё же умудрялся показывать координаты гравитационных саней, как и коридор относительно стабильной земли, по которому они должны были следовать. Даже при максимальном увеличении масштаба коридор выглядел пугающе узким и почти не оставлял места для ошибки. Робаут не знал, что произойдёт, если вычисления Блейлока окажутся неточными или он отклонится от намеченного маршрута и не спешил узнавать.

Иногда они замечали обломки дронов-сервиторов, покоившиеся на склонах ледников или разбившиеся на множество осколков на дне долины. Из разрушенных корпусов тянулся дым и Робаут старался не смотреть на вывалившиеся из них разорванные тела. В полученных от Линьи Тихон данных упоминалась тень помех и искажений с центром на “Томиоке”, что отчасти объясняло, почему они видели так много упавших дронов и были вынуждены полагаться на Таркиса Блейлока вместо точной информации о маршруте.

“Табуларий” крошил камни и лёд многочисленными металлическими ногами, продвигаясь, словно неумолимый город, который оторвался от фундамента и отправился в путешествие. Остальные сухопутные левиафаны двигались цепочкой за ним, караван из стали растянулся почти на пять километров. Бронетехника кадианцев – танки и транспорты – теснились вокруг мобильных храмов, словно падальщики, преследующие умирающего хербивора, и Робаут был рад, что, по крайней мере, ещё кто-то в экспедиции, возможно, испытывал изумление от исследования нового мира.

Даже несмотря на гигантскую высоту “Табулария” Робаут видел двигавшийся широкими шагами альфа-титан легио Сириус. “Луна Капиталина” держалась в центре конвоя, мобильная крепость защищала левиафанов огневой мощью, способной уничтожить город.

– Вы не видели “Псов войны”? – спросил Адара. – Мой папаша говорил, что видел одного на Коноре, но тот убежал, прежде чем его удалось рассмотреть, как следует.

Раньше Робаут посмеялся бы над самой мыслью о бегущем титане, но после того, как он увидел с какой скоростью “Амарок” и “Вилка” высадились из кораблей-саркофагов, капитан был склонен меньше сомневаться в рассказе Адары. Даже скорость “Владыки войны” потрясла их, как и нетерпеливый вой военных горнов, отражавшийся от стен сверкающей ледяной долины.

– Нет, – ответил Робаут, вытянув шею и осматриваясь. – Не видел, но не удивлён. “Псы войны” –

разведывательные титаны, засадные хищники, и они не любят, когда их видят, пока не станет слишком поздно.

Адара кивнул, но продолжил смотреть.

– Видно твой отец хорошо попутешествовал, – произнесла Павелька, её голос звучал в шлеме Робаута благодаря субтотальным колебаниям. – Калт, Иакс, Конор... есть какая-то часть Ультрамара, которую он не посетил?

Сарказм Павельки был очевиден даже несмотря на вокс шлема и гул репульсоров саней.

– Вы не верите мне?

– Иланна просто дразнит тебя, – сказал Робаут, зная, как возмущается парень, когда кто-то сомневается в истинности рассказов его отца.

– Ей не следует это делать, – сказал Адара. – Мой папаша служил охранником у инквизитора Аполлиона на Армагеддоне и вам не стоит обливать грязью такого человека.

Робаут знал, что Павелька не устоит перед соблазном прокомментировать последние слова Адары и дёрнул штурвал, чтобы не дать ей продолжить препирательства.

– Полегче, Робаут! – закричал Адара, схватившись за ограничительную решётку двери.

Земля под грав-санями представляла собой смесь замороженного азота и обнажённых металлических скал, напоминая поверхность залитого нефтью ледника. Репульсорное поле плохо реагировало на залежи экзотических металлов, и пилотировать оказалось сложнее, чем хотелось бы Робауту. Средства управления вполне подходили для работы в неуклюжих перчатках скафандра, но, тем не менее, складывалось ощущение, что машина всё время боролась с ним, поворачивая из стороны в сторону, несмотря на все усилия сохранять устойчивое положение.

– Если хотите, то я могу управлять санями через нейронную связь, – сказала Павелька. – Похоже, у вас какие-то трудности, капитан.

– Нет, – отказался Робаут, борясь со штурвалом. – Всё будет в порядке.

Их маршрут пролегал по извилистому отвесному ущелью, стены которого на взгляд Робаута достигали ста метров, но скорее всего, превышали несколько километров. Зрение легко обманывалось, пытаясь определить масштаб при отсутствии каких бы то ни было измеримых точек привязки. Впервые направив сани в горы, он испытал потрясение от абсолютной необъятности сине-ледяных стен каньонов, а без измеримого масштаба посадочных площадок не оставалось никакой возможности точно определить расстояние или ракурс.

- Через сколько мы долетим до разбившегося корабля? – спросил Адара, вытягивая шею, насколько позволял горжет шлема. Робаут рискнул посмотреть на планшет, но понял, что это бесполезно, увидев всё тоже визжащее и вопящее изображение. Только тонкая линия маршрута Блейлока сквозь лабиринт оставалась неизменной.

- Невозможно сказать из-за помех, – ответила Павелька, мгновенно считав ту же самую информацию. Даже несмотря на не самую лучшую вокс-систему волнение магоса было очевидным. – Основываясь на уже пройденном расстоянии, мы должны увидеть “Томиоку” через семь минут, если скорость продвижения не изменится.

- И если я не разобью нас, – добавил Робаут.

- Эту возможность я не учла.

- Слушай, – сказал Робаут. – Грав-сани не отличаются манёвренностью, но, похоже, я, наконец, приспособился. Просто нужно немного мастерства и хладнокровия.

- Полагаю, что количество хладнокровия зависит от того, кто на чём сидит.

Адара усмехнулся. – А госпожа Тихон говорила, что у Механикус нет чувства юмора...

- Она права, – огрызнулся Робаут. – Нет.

Несмотря на комментарий Павельки про его навыки пилотирования Робаут с каждым метром обретал всё большую уверенность. Ультрамарская этика не позволяла ему отступить, столкнувшись с трудностями и обуздание капризных грав-саней не было исключением.

Их полёт выровнялся в следующие несколько километров, пока Робауту не пришлось заложить вираж, огибая выступ фиолетового льда, из которого валил пар, словно дым из заводской трубы. Долина стала заметно шире, и путешественники увидели водопад испарявшегося жидкого азота. Он изливался из трещины, блестевшей в фиолетовом свете, а затем исчезал в зияющей расселине в леднике, которая перерезала долину почти пополам.

Робаут предположил, что расселина была, по крайней мере, тридцать метров шириной.

Согласно курсу Блейлока “Томиока” находилась на противоположной стороне.

“И Чёрные Храмовники”, – подумал он, пытаясь сдержать раздражение.

Там, где трещина в леднике не достигала стен долины, виднелись пенистые водопады замерзающих газов, скопившиеся в клубящихся водоворотах и омутах мерцающей жидкости.

- Сухопутные левиафаны смогут здесь пройти? – спросил Адара.

- Без вариантов, – ответил Робаут. – Хотя “Табуларий” мог бы опуститься и стать мостом для остальных.

- Думаете, нам хватит места, чтобы пройти вдоль края?

- Совсем чуть-чуть, – ответила Павелька, промаргивая исходные точки и выгружая их для следовавших позади инженерных машин Механикус.

- Что же, Чёрные Храмовники возможно и раньше нас добрались до “Томиоки”, но будь я проклят, если ещё кто-нибудь опередит нас, – произнёс Робаут, направив грав-сани вдоль края долины, где азотные вихри превращались из газа в жидкость и обратно с тревожной частотой.

Гул двигателей грав-саней стал громче, а репульсорное поле дёрнулось из-за резкого изменения плотности поверхности. Робаут услышал, как Павелька зашептала молитву Богу Машине, и почувствовал её едва заметное проклятье двигателям магнитного поля, компенсирующее необычный ландшафт.

Вдохновлённые преданностью Павельки грав-сани изящно обогнули пенившийся водопад жидкого азота и прошли в считанных сантиметрах от края широкой расселины. Робаут рискнул бросить взгляд вниз, и у него свело желудок, когда он увидел, что трещина вела прямо в центр планеты. Он отвернулся, успев подавить тошнотворное головокружение. Робаут увеличил обороты двигателя и грав-сани выскочили за зубчатые вершины ущелья.

И наконец, Робаут увидел то, что стало с флагманом магоса Телока, хотя ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, на что именно он смотрит. Он прикрыл визор от миллиардов отражений раскинувшегося перед ним зеркального плато.

- Я думал, что корабль, который мы ищем, разбился? – спросил Адара, склонив голову набок.

- Я тоже, – согласился Робаут.

- Он не разбился? – произнесла Павелька, непонимание превратило слова в вопрос.

- Нет, – удивлённо ответил Робаут. – Он... приземлился.

Дым заполнял кабину и Танна почувствовал во рту резкий запах горящего топлива, опалённого железа и крови. Он заморгал, борясь с дезориентацией после падения, и проверил визор, чтобы узнать, сколько оставался без сознания. Четыре секунды. Для смертного такой промежуток времени был незначительным, но для космического десантника он являлся целой вечностью. Злой на себя он отбросил мгновение слабости и встал с кресла пилота. Нос “Громоваго ястреба” вошёл в плато под углом, и Танне пришлось воспользоваться свисавшими

ремнями и кабелями, чтобы попасть в отсек экипажа.

Находившиеся там воины пережили падение относительно легко благодаря контролируемому углу падения и ремням безопасности.

- Кто-нибудь ранен? – спросил он, подтягиваясь вдоль центральной оси корабля.

- Все целы, – ответил Ауйден. – Впечатляющая посадка, брат-сержант.

- Какое-то вмешательство вырубilo двигатели, – объяснил Танна. – Мне повезло приземлиться на брюхо и одним куском.

- Знаю, – ответил Ауйден. – Я не собирался упрекать.

Танна покачал головой. – Конечно.

Недовольство, которое он чувствовал после гибели Кул Гилада, заставляло Танну цепляться к каждому слову и искать завуалированные оскорбления в каждом комментарии. Он потратил секунду, отбрасывая подозрения, и направился к дверям фюзеляжа. Нос “Барисана” вонзился в лёд, боковые и задние выходы стали единственным путём наружу.

- Нужно выбираться отсюда, – сказал сержант, опускаясь на колени возле двери и открывая крышку клавиатуры. Он набрал командные коды, но – как и ожидал – дверь упрямо осталась закрытой.

- Почему... нгг, нгг... дверь не открывается? – спросил Иссур.

- Нет энергии, – ответил Танна. – Потребуется грубая сила.

“Барисан” закрипел и накренился под визг раздираемого металла. Швы вдоль фюзеляжа начали рваться и в трещинах в корпусе появились шипящие струйки убегающего газа. Танна схватился за подпорку, когда корабль задрожал, словно какое-то гигантское животное вцепилось в него челюстями и пыталось медленно прожевать.

- Яэль, Иссур, помогите мне, – приказал Танна. – Хватайтесь за край двери.

- Я могу пробить выход, – предложил Браха, прицелившись из плазмагана, но Танна покачал головой.

- Я не стал бы рисковать злить “Барисан” стреляя внутри, – пояснил он.

Три Чёрных Храмовника схватили дверь и упёрлись в подпорки, стойки и скамейки. Ещё больше швов разошлись вдоль фюзеляжа. Танна представил пугающую картину десантно-штурмового корабля, который оказался в уплотнителе мусора и медленно сжимался, пока они не превратятся в не более чем ультра плотный куб металла и плоти.

- Ауйден, как только увидишь запирающий механизм, срежь его.

Апотекарий кивнул и согнулся перед пластиной дверного замка. Нестерпимо яркий свет вспыхнул на широком клинке фузионного резака для полевых ампутаций, и он поднял его, как палач, приготовившийся нанести смертельный удар.

“Барисан” застонал, словно раненый зверь, и Танна выругался, что привёл столь прекрасную машину к такой позорной судьбе. В кабине разбилось стекло, и из панели авионики ударил электрический разряд.

- Пора! - крикнул Танна, и они втроём потянули дверь. Фюзеляж “Громового ястреба” создали сохранять герметичность в космосе и при входе в атмосферу, но он не был разработан противостоять объединённой силе трёх космических десантников, пытавшихся открыть его изнутри.

Танна почувствовал, что дверь сдвинулась в лучшем случае на несколько миллиметров, но крушившие корпус силы сработали в их пользу, и секция фюзеляжа с пластиной замка выгнулась внутрь. Он увидел вспышку фузионного резака Ауйдена и услышал шипение растворяемого металла. Долю секунды тяжёлая дверь не двигалась, но когда резак закончил работу, она скользнула в сторону.

- Прости нас, великий, - сказал Ауйден, убрав энергетический клинок в ножны.

Танна согласно кивнул. “Барисан” верно нёс их в битву и спасал больше раз, чем он мог вспомнить. Причинять боль ради собственного спасения - плохая награда отважному сердцу, но он чувствовал, что дух-машина корабля простит их.

- Все на выход, - приказал он.

Первым был Варда, за ним быстро последовали Иссур и Браха. Потом Ауйден, Яэль и наконец, Танна спрыгнул с наклонившейся палубы.

Он приземлился на землю, которая оказалась именно тем, чем он и предполагал в воздухе - широким ледяным плато. Там где упал “Барисан” виднелся необычный порошок, напоминавший мелкий снег, но хрупкий, как металлическая стружка. Удар “Громового ястреба” пропахал глубокую борозду и Танна опустился на колени, увидев что-то похожее на узоры инея, протянувшиеся с земли вдоль корпуса корабля.

Лёд напоминал конденсат на стекле, и казалось, что он собирался покрыть весь фюзеляж “Барисана”. Танна оглянулся на нос корабля ... и теперь понял, что это вообще был не лёд, а какая-то разновидность паразитирующего кристалла. Он вспомнил, что когда пришёл в себя, то увидел потоки пара в небесах сквозь потрескавшийся бронированный фонарь кабины, но сейчас вся фронтальная секция почти полностью скрылась за кристаллами. “Лёд” разрастался и застыл на корабле, словно сама планета пыталась затянуть “Барисан” в земную кору.

Прямо у него на глазах кристаллическая структура протягивала сверкающие отростки всё дальше по корпусу корабля. Танна провёл рукой по фюзеляжу, сбрасывая лёд, словно крупинки сахара, которые превращались в пыль, едва переставали быть частью целого.

- Что это...? - произнёс Танна, но едва он убрал руку, как кристаллические ветви возобновили попытки поглотить “Барисан”.

- Брат-сержант, - произнёс сверху Браха. - Вам нужно немедленно подняться.

Танна отступил от странных растущих кристаллов, прицепившихся к кораблю, и начал взбираться по оставшемуся после приземления следу. Яэль протянул руку, но Танна проигнорировал его и сам вылез на плато.

- Ситуация? - спросил он.

Никто не ответил и Танна собрался повторить вопрос, когда повернулся и понял на что уставились остальные. Он вспомнил, что видел прямо перед тем, как корабль упал. Он видел “Томиоку” своими глазами, но реальность лишила его дара речи, сержант не мог оторвать взгляд от противоречащего всякой логики невероятного зрелища.

- Император, - прошептал Варда. - Это невозможно.

Танна покачал головой. - Перед нами “Томиока”, в этом нет сомнений.

Модернизированный линкор “Оберон”, огромный корабль стоял вертикально вдоль своей длинной оси на поверхности Катен Вениа, напоминая последние километры высокого шпиля улья. Такие огромные космические корабли никогда не предназначались для входа в зону действия гравитации планеты. Их создавали выдерживать разнонаправленные силы космической войны и противостоять перегрузкам во время ускорения и чудовищных поворотов.

И они точно не предназначались для борьбы с колоссальными силами при входе в атмосферу.

Танна решил, что секция двигателей, по крайней мере, на два километра погрузилась в замороженный азот, а оставшиеся пять километров монолитной надстройки устремились в небо, почти исчезая в изменённой перспективе, насмехавшейся над человеческими

масштабами. Корпус украшал готический орнамент, как и у любого имперского линейного корабля, он изобилдовал соборами, зубчатыми стенами, арками орудийных батарей, а молитвенные скульптуры и таран на носу покрывал лёд.

Окружающие ледники поддерживали основание корабля, возвышаясь над поверхностью планеты примерно на пятьсот метров, скрывая все места входа и помогая стабилизировать высокое сооружение. Над льдом огромные области корабля покрывали причудливые кристаллические конструкции вычурного дизайна, который явно имел признаки архитектуры Механикус. Некоторые напоминали электрогенераторы, другие коммуникационные системы, но чем больше смотрел Танна, тем сильнее он понимал, что “Томиоку” полностью перестроили, чтобы превратить в нечто иное, чем космический корабль.

- Как кто-то мог... нгг, сделать... нгг, это? – спросил Иссур, из-за полученных на манифольдной станции синаптических повреждений каждое слово давалось ему с трудом.

- Не знаю, – признался Танна. – Корабль должен был разорваться на части.

- Думаете, архимагос это ожидал найти? – спросил Варда.

- Не думаю, что такое вообще кто-нибудь ожидал.

Извержение ледяных кристаллов заставило Чёрных Храмовников взять болтеры наизготовку и приготовить мечи к бою. Расцвели десятки похожих на ледяные гейзеры взрывов, вот только Танна понял, что напоминавшее стекло вещество, из которого они состояли, вовсе не являлось льдом. Сверкающие частицы повисли в воздухе, и Танна увидел, как из отверстий, взорванных в поверхности планеты, появилось множество фигур.

Они были размером с космических десантников, но состояли из полупрозрачного кристаллического материала, обладавшего биолюминесценцией. Тела пронизывала сеть пульсирующих зелёных вен, напоминавшая светящуюся нервную систему или карту кровеносных сосудов человеческого тела. Танна видел, что они не выходили из земли, они были частью земли. По крайней мере, сорок существ окружили Храмовников, и когда стекловидная пыль на месте их появления улеглась, Танна понял, что они не только размером не уступали космическим десантикам, но сами их тела были почему-то сделаны в форме грубой имитации Адептус Астартес.

У каждой кристаллической фигуры были громоздкие искривлённые автореактивные наплечники, широкие изгибающиеся нагрудники и простые шлемы. Они походили на созданных ребёнком космических десантников, грубоватые и простые, но вполне узнаваемые.

- Что они такое, во имя Императора? – прошептал Варда, когда кристаллические существа приблизились.

- Враги, – ответил Танна, прицелился из болтера и открыл огонь.

Если здесь и был урок, то он, несомненно, состоял в том, что “Амарок” не ошибся, почувствовав что-то неладное. Гуннар Винтрас вёл “Пса войны” сквозь лес высоких кристаллических шпилей, держась повреждённой стороной титана к стене каньона. Турбалазер заклинило, сервитор погиб, а дух-машина отчаянно пытался вернуть оружие в рабочее состояние. Фантомные боли левой руки мешали Винтрасу потерять сознание, а постоянная накачка стимуляторами боролась с эффектами болеутоляющих препаратов.

– Если я переживу этот бой, то меня ожидает нехилая химическая ломка, пока не пройду очищение, – прошептал он сквозь сжатые губы. – И хотелось бы обойтись без манифольдной очистки.

Не успел он запустить на полную мощность ауспик обнаружения угрозы, как тревожные системы, которые принцепс “Пса войны” столь неохотно активировал, объявили о вражеской атаке. Он всё ещё не был уверен, откуда появились враги. Вот он шагает между упавшими сталагмитами из призматического стекла, а вот его уже атакуют четыре шагателя, размером с “Амарока”.

“Пёс войны” принял первые выстрелы на пустотные щиты, но сохранив принцепсу жизнь, они исчезли с пронзительным воем. Только врождённая реакция Винтраса помешала второму залпу стремительных разрядов выпотрошить титан. На этот раз большую часть огневого вала принял на себя турбалазер.

Он ответил огнём из мегаболтера, чувствуя отдачу в костях руки, и выпустив поток крупнокалиберных разрывных снарядов. Как и у большинства принцепсов “Псов войны” его локтевые суставы заменили амортизирующими материалами, чтобы легче переносить постоянное давление биообратной связи орудий титана, и он смог выдержать тяжёлую отдачу в руке, которая даже не сжимала оружие.

Что-то разлетелось на миллион осколков прямо перед ним, но водопад вздымавшегося льда помешал увидеть во что именно он попал. Винтрас знал как никто насколько опасно в бою титанов оставаться на одном месте и увеличил скорость “Амарока”. “Пёс войны” не был линейным титаном, который мог вести и одновременно выдерживать плотный огонь, он был охотником, стихией которого являлась скоростная война.

Очередной залп вырыл дымивший кратер в стене каньона и Винтрас отследил исходную точку выстрела. Ловко ведя “Пса войны” между кристаллическими наростами он увидел направлявшихся в его сторону трёх титанов. Он прищурился, узнав врагов.

– Что вы за хрень? – прошептал принцепс, разглядывая ужасно знакомые силуэты.

Это были “Псы войны”, напоминавшие атавистические ледовые скульптуры, которые оставляли возле крепости Старокровных дикие племена, называвшие Локабренну домом.

Правда эти статуи двигались и сражались.

Но они были глупыми.

Они двигались прямо на него, как ряды полков Имперской гвардии на плацу. Винтрас усмехнулся, перевёл реактор на полную мощность и бросился к укрытию в виде осыпавшегося каменного склона у дальней стены долины. Враги продолжали стрелять, но он безупречно управлял “Амароком”. Даже боль в руке и обезболивающие не могли испортить удовольствие от этого момента.

Командир титана наслаждался хорошим боем, но оказаться в ситуации, когда враг безнадежно превосходит тебя, было совершенно особым удовольствием.

Кристаллические титаны преследовали “Амарока”, словно гончие и Винтрас возглавлял их весёлую охоту среди шпилей: бросаясь то вперёд, то назад, петляя и уводя врагов именно туда, куда ему нужно. Клубившиеся облака стеклянной пыли окутывали каньон, но Винтрас помнил каждое движение, как виртуозный танцор, безупречно выполнявший свой самый главный танец.

Боль в левой руке прошла, а в манифольде пульсировали данные о готовности.

Даже пустотные щиты перезапустились.

“Амарок” прорвался сквозь навес блестящих осколков и оказался за спинами трёх поддельных “Псов войны”.

– Император, как я люблю такие моменты, – произнёс Винтрас, устремляясь вперёд на боевой скорости.

Вместо того чтобы рассредоточиться вражеские титаны начали поворачиваться на месте, как новичок-модератус, вообразивший себя принцепсом. Не успели они повернуться даже наполовину, как Винтрас уже был между правыми титанами и развёл руки. Мегаболтер, прежде всего, предназначался для уничтожения пехоты, но в упор против врага без щитов он превращался в оружие палача. Разрывные болты вонзились в верхнюю половину первого кристаллического “Пса войны” и разорвали его изнутри.

Огонь турболазера ударил в среднего титана, разбив вдребезги кабину в супергорячем взрыве расплавленных обломков.

“Амарок” не останавливался и Винтрас обошёл упавший корпус обезглавленного титана и оказался лицом к лицу с последним кристаллическим врагом. Он оскалил стальные клыки и свёл руки, словно целился из пистолета.

– Может ты и похож на “Пса войны”, но сражаешься не как он, – прорычал Оборотень, стреляя с обеих рук в голову кристаллического фальшивого титана.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657916>